

своей жизни, то во сколько же разъ труднѣе и больше долженъ быть этотъ процессъ въ массѣ людей, составляющихъ общество—агрегатъ испорченныхъ цѣлыми поколѣніями лицъ!..

Несчастье поздно «захваченныхъ» этическими потребностями развитія натуръ, какъ мы видѣли уже, именно въ этой неспособности отрѣшиться отъ своего субъективнаго міра, *выйти изъ себя* (подобно тому, какъ крайній эстетикъ не можетъ, напротивъ, *прійти въ себя*; это двѣ крайности; жизнь не для нихъ; это два берега ея: она величественно течетъ между ними; одинъ ставитъ свой центръ въ периферію, другой самъ себя дѣлаетъ центромъ самому себѣ), неспособность видѣть, что подъ ногами дѣлается, что надъ головою гремитъ, выйти изъ своего внутренняго міра въ міръ объективный, гдѣ столько реальныхъ скорби, заботъ, нужды, горя... И всѣ ихъ слышать, всѣ знаютъ про себя реальное ихъ значеніе, но не слышать ихъ лишь отвлеченные люди, занятые исключительно происходящимъ въ нихъ самихъ душевнымъ процессомъ, да еще развѣ обнаруживаніемъ анализа своихъ собственныхъ «просіяній» и т. п. Правда, они дѣлаютъ это лишь потому, что не живутъ еще вполне сообразно выработанному нравственному идеалу, а только развиваются еще, заднимъ числомъ переживаютъ свою юность *maigre*; ну, а всякій развивающійся, по выраженію Гейне, хочетъ имѣть и видѣть свою «исторію»—не мудрено, что человѣкъ въ это время, подобно Нарциссу, влюбляется въ самого себя, сознавая самъ, какъ онъ хорошъ и желая, чтобы и другіе это видѣли... На слѣдующей уже стадіи развитія они раскаются, пожалуй, въ своемъ публичномъ кокетничаніи, замолчатъ и потонутъ въ неизвѣстности, понявъ прежде всего то требованіе этики, которымъ она говоритъ человѣку, что скромность—первая и главная отличительная черта всего «этическаго», что въ немъ все